

Доктор Нонна

Немачеха

Часть сборника
Немачеха (сборник)

Доктор Нонна Немачеха

Серия «Житейские истории»

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375595
Доктор Нонна. Немачеха: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56789-8

Аннотация

«Плотная, наполненная дождевыми струями тьма, ложась на стекла, превращала их гладкость в подобие хрустальной грани: сливающиеся и разбегающиеся капли дробили отражения рекламных, фонарных, светофорных огней, точно в калейдоскопе. Когда Рита была маленькая, мама подарила ей картонную трубочку с цветными стеклышками. Сначала волшебные узоры увлекали, потом стало страшно. Мама высыпала стеклышки на ладонь – смотри, тут совсем нечего пугаться! Но маленькая Рита рассердилась, швырнула игрушку в угол, да еще и ножкой по ней топнула...»

Содержание

Холодные руки	4
Подарок на всю жизнь	12
Надейся на лучшее	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доктор Нонна Немачеха

*Дети простят вам все, что угодно, кроме вашей
смерти.
Рэй Брэдбери*

Холодные руки

Плотная, наполненная дождевыми струями тьма, ложась на стекла, превращала их гладкость в подобие хрустальной грани: сливающиеся и разбегающиеся капли дробили отражения рекламных, фонарных, светофорных огней, точно в калейдоскопе. Когда Рита была маленькая, мама подарила ей картонную трубочку с цветными стеклышками. Сначала волшебные узоры увлекали, потом стало страшно. Мама высыпала стеклышки на ладонь – смотри, тут совсем нечего пугаться! Но маленькая Рита рассердилась, швырнула игрушку в угол, да еще и ножкой по ней топнула.

Кажется, это было еще в России. Так далеко, как будто в другой жизни, от которой в памяти не осталось почти ничего. Только вот этот калейдоскоп, да еще сугроб возле дома. В шубе, шапке, валенках и еще миллионе одежек даже стоять было неловко и тяжело, не то что двигаться. Рита плюхалась в сугроб – он казался мягким и очень холодным, даже через

рейтузы. Мама поднимала девочку, отряхивала и говорила, что на снегу сидеть нельзя, что она опять простудится, и вообще это очень вредно.

Рите и сейчас иногда казалось, что она все еще сидит в том сугробе. Шуба тяжелая, неудобная, шарф кусает за подбородок, завязки шапки почему-то лезут в рот, сугроб мягкий, безопасный и очень, очень холодный.

Хотя за двадцать лет Рита, пожалуй, уже и забыла, какие они – сугробы. В Израиле снега не бывает. Если зима – значит, дождь. Такой плотный, что даже при плюс десяти кажется ледяным. Рита поежилась. Может, заехать в какое-нибудь кафе? Спросить горячего чаю – не потому что хочется именно чаю, а потому что можно сидеть, обхватив чашку, и чувствовать, как понемногу оживают заледеневшие ладони.

Руки мерзли всегда. Андрей, растирая их, всегда смеется – что за врач с холодными лапами? Раньше Рите нравилось чувствовать, как под его пальцами ладони наполняются живым теплом. Нравилось отшучиваться: руки холодные – сердце горячее. Сейчас стало все равно. Давно пора сказать – прости, дорогой, давай разойдемся, как цивилизованные люди, было и прошло – но все как-то неловко. Все-таки не один год вместе – хоть и живут порознь, но встречаются чуть не каждый день, и профессия общая, хотя Рите еще доучиваться. И не ссорятся никогда. Прямо образцово-показательная пара – как тут разойтись? Уж лучше бы поссорились!

Ладно, не надо никакого кафе, до дома осталось совсем

немного. Рита пошевелила пальцами на руле. Машину пода-
рили на двадцатилетие родители. Хотя какие они родители?
Девушка привычно усмехнулась. Ну вырастили, конечно, да.
Но это ведь не потому что любили – выбора не было. Ребе-
нок – не котенок, на помойку не выбросишь. Осудят. Вот и
заботились. К тому же всегда изо всех сил подчеркивали, что
между ней, Ритой, и Тамар – нет никакой разницы. Тамар –
квартиру и машину, значит, и Рите тоже. Правда, Тамар ре-
шила, что ее призвание – армия, приезжает редко, так что
квартира собирает пыль, а машина скучает в гараже, – мсти-
тельно подумала Рита. Но это ведь ничего не меняет: поров-
ну – значит, поровну. Вот и устроили аттракцион неслыхан-
ной щедрости. Только ведь... им ради этого рубашку послед-
нюю с себя снимать не пришлось.

И все же, все же, все же... Если бы она, Рита, могла для
них – даже не в ответ, а просто так – что-то сделать... Чтобы
уже не думать: я – бесчувственная неблагодарная свинья. Но
им не нужно ничего, у них все есть. Она сморгнула неожиданно
набежавшую слезинку – вот еще фокусы!

Машину мягко тряхнуло. Рита резко нажала на тормоз.
Неужели сбила кого-то? Но ведь дорога пуста? Или кто-то
был? Такой ливень, что и не разглядишь.

Девушка выскочила из машины, огляделась и облегченно
вдохнула: никого. Пустой асфальт зеркально блестел. Только...
чуть сзади и ближе к обочине среди стеклянно-влажного
блеска виднелась темная кучка.

Мимо равнодушно пролетали нечестные в это время машины. В мгновенно налетающем и пропадающем свете их фар Рита разглядела широко раскрытый, мутноватый, очень мертвый глаз, оскаленную пасть, судорожно вытянутые лапы... «Кошка! Господи, я ее убила!»

Дождь заливал глаза, нос, рот. Как слезы. Бегут, и не оставишь. Рита слизнула с губы каплю и удивилась – не соленая. Вместо того чтобы вернуться в машину, девушка почему-то опустилась на мокрый асфальт рядом с маленьким скорченным тельцем. Что-то тут было не так.

Преодолевая ужас, она протянула руку и коснулась мокрой, слипшейся острыми «перьями» шерсти. Под «перьями» ощущалось что-то странное, деревянно-твердое, безнадежно окоченевшее. Рита, борясь с нахлынувшей тошнотой, судорожно сглотнула. Несчастная кошка была мертва уже давно, ее сбил кто-то другой, а Рита просто зацепила колесом уже застывшее тело.

Сквозь плотный шелест ливня и шум пролетающих машин пробился слабый писк. Девушка зашарила руками по мокрому асфальту, попала в лужу, опять наткнулась на мокрые мертвые «перья». Вздрыгнула, вытащила телефон – его слабого света не хватало. Писк повторился. В бардачке ведь должен быть фонарик! Рита метнулась к машине, щелкнула панелью, нащупала в нише увесистый металлический цилиндр, нажала кнопку...

В метре от мертвой кошки копошился крошечный чер-

но-белый комочек. Пытался подняться на подгибающихся лапках, беспомощно разевал розовый ротик и плакал. Жаловался? Звал на помощь?

– Эх, малыш! – Рита сама уже чуть не плакала. – У вас тут гнездышко рядом, да? Мама ушла на промысел и не вернулась, а ты кинулся ее искать? А где твои братики и сестрички?

Она посветила вокруг – нет, никого. Подхватила тощенькое, неожиданно горячее тельце, прижала к промокшей насквозь водолазке.

– Ну что, поехали? – Рита неожиданно улыбнулась. Вот теперь у нее наконец-то есть семья. Есть кто-то, о ком ей нужно заботиться, кто без нее пропадет. – Ничего, малыш. Вместе не пропадем, да? Сейчас приедем, согреемся, поедим. Ты наверняка голодный.

Кормить-то его чем? Совсем малютка, едва глазки открылись. Нужно молока купить. И лакать он, наверное, еще не умеет.

Девушка кое-как обтерла малыша найденными в бардачке салфетками, свернула свою курточку на пассажирском сиденье, постелила туда валявшийся сзади платок – шелковый, скользкий, но сухой! – уложила в получившееся гнездышко котенка. Он снова запищал, пытаясь выбраться.

– Холодно тебе так? Эх, бедолага! Ну давай по-другому.

Рита завернула найденыша в платок, надела курточку, застегнула «молнию». Курточка была коротенькая, пояс плот-

но охватывал тонкую талию. Девушка сунула котенка за пазуху. Он завозился, устраиваясь поудобнее – крошечные коготки сквозь тонкую водолазку щекотно царапали кожу – но пищать сразу перестал.

– Вот так-то лучше будет, да? И тепло, и не вывалишься, – она опять улыбнулась. – Только не возись сильно, мне машину надо вести, понял? Ты же хочешь побыстрее домой?

Через несколько кварталов Рита заметила освещенную витрину небольшого магазинчика. Внутри было тепло. Немолодая продавщица подозрительно покосилась на вздувшуюся куртку. Рита не любила, когда на нее смотрели, сразу хотелось куда-нибудь спрятаться. Но беспомощный комочек за пазухой придавал уверенность. Девушка приоткрыла «молнию». Коготки опять царапнули кожу, из-за полы куртки показалось сперва крошечное ухо, потом любопытный глаз.

– Ой! – заулыбалась продавщица. – Какой маленький!

– На дороге был, – объяснила Рита. – Не бросать же. Только он, наверное, и есть-то сам еще не умеет.

Она купила рулон бумажных полотенец – тонкий шелковый платок был уже насквозь мокрый, да и водолазку можно выжимать – и бутылку молока.

Полотенца были толстые и мягкие, черно-белая шерстка перестала липнуть к тощенькому тельцу и даже слегка распушилась. Глазки у котенка еще по-младенчески голубели, а носик был наполовину черный, наполовину розовый. Пока

Рита заново устраивала найденыша за пазухой, продавщица без умолку давала советы. Молоко надо обязательно водой развести, от цельного понос может быть, а еще лучше детскую смесь взять, тут за углом – она махнула куда-то в сторону – аптека, и пипетки там купить можно, сосок-то таких маленьких не бывает ведь, да?

Рита поблагодарила словоохотливую продавщицу, нашла аптеку, купила детскую смесь и пипетки. И провизорша, и уборщица пялились на нее во все глаза, но странное чувство уверенности не пропадало. Пусть глядят, если им делать нечего. А ей нужно о малыше позаботиться.

Дома Рита сбросила мокрую одежду, вошла в выдавший виды махровый халат – котенок, временно ссаженный на диван, сразу запищал – и начала устраивать найденыша.

– Сперва будем мыться, да? Ты ведь в грязной луже сидел, а там микробы, у-у-у, какие злые!

Купаться малышу неожиданно понравилось. Он не только не пытался вырваться, но даже не пищал. Подхваченный под горячее пузечко, висел на ладони, подергивал спинкой и жмурился, пока Рита поливала его из душа. Обтерев малютку, девушка сунула его, чтоб не замерз, за пазуху халата. Разведя детскую смесь теплой водой, она попыталась «ребенка» накормить. Не тут-то было! Пипетка ему не понравилась сразу: твердая, холодная – фу! Клацнув по стеклу крошечными зубками раз-другой, малыш стал упрямо отворачиваться. Отчаявшись, девушка налила смесь в блюдечко, макнула в

нее палец и мазнула котенка по носу. Котенок фыркнул, облизнулся, лизнул подставленный палец, потом еще раз. Палец был явно вкуснее пипетки.

Посадив упрямца возле блюдечка, Рита стала кормить малыша с пальца. Котенок жадно слизывал смесь, явно недовольный – почему так мало! Повел носиком, ткнулся в блюдце, фыркнул – и начал лакать! Сам!

Рита почувствовала, что у нее неожиданно защемило в носу. Да и в глазах, по правде говоря, тоже. Вот еще, заплакать не хватало!

– Да ты же моя умница! Надо же, как жить хочешь! И правильно. Только так и нужно.

Вздохнув с облегчением, она отыскала в шкафу электрогрелку, уложила на нее старый кашемировый свитер – получилось гнездышко. Котенок меж тем успел съесть все, что было в блюдце, зажмурился и повалился на бок, выставив надувшееся пузечко и сонно чмокая. Девушка осторожно переложила найденныша в приготовленное гнездышко.

– Эх, ты! После еды мыться полагается, а ты сразу спать! – губы сами собой расплзались в глупую счастливую улыбку. – У родителей Чампи, а у меня будешь ты. Надо тебе имя придумать. И, кстати, ты девочка или мальчик? – она осторожно повернула котенка на спину. – Девочка.

Имя всплыло неожиданно:

– Ты будешь Люба! Люба моя дорогая! – Рита смахнула все-таки навернувшуюся слезинку.

Подарок на всю жизнь

– Мам, а почему у нас нет папы? – спрашивала четырех-летняя Рита.

Нет, конечно, ей не нужен был никакой папа, фу! Они все грубые, вонючие, волосатые! Просто у них с мамой как будто игра такая. В вопросы и ответы.

Лена улыбалась и прижимала дочку к себе.

– Потому что ты моя девочка. Только моя и ничья больше, да?

– Прямо как Дюймовочка?

– Гораздо лучше, чем Дюймовочка! Она была совсем маленькая, поэтому потерялась. А ты никуда не потеряешься, да? Ты моя любя!

– Я же Рита!

– Люба – потому что любимая! – в сотый раз повторяла Лена. – Люба моя дорогая!

Любой звали маму. «Рожай! – торопила она. – Чтоб я успела хоть немного с внуками понянчиться». Сама она родила Лену в тридцать восемь.

Лена все время думала, что ей здорово повезло – все получилось с первого раза. Мужчины ее пугали. Еще со школы, когда одноклассники затащили ее в пустой класс и стали лапать. Нет, ничего они ей не сделали, да и не собирались, наверное, просто буйствовали от молодой дурости. Но Лена на

всю жизнь запомнила мерзкие жадные руки и жуткое обесиливающее чувство полной беспомощности. Какие уж тут «внуки»! Чтобы мама могла порадоваться «внукам» – хотя бы одному! – без этих грубых, вонючих, отвратительных тварей не обойтись. Нельзя же родить от ангела небесного! То есть Лена-то и рада бы – но где ж взять ангела?

Да и не-ангела тоже. Вроде бы затащить в постель кого-то мужского пола не так и сложно – достаточно сначала слегка подпоить. Но пьяное зачатие... Спаси и сохрани от такого ужаса!

С Богданом она познакомилась на дне рождения у бывшей школьной подруги. Он оказался в компании случайно и привлек Ленино внимание тем, что пил только минералку – мол, за рулем, и еще куда-то ехать нужно. Вспомнив советы опытных подруг, она напросилась к нему в машину и ухитрилась заполучить номер телефона. Через неделю, выпросив у однокурсницы ключ от комнаты в общежитии, Лена собрала все свое мужество и позвонила, придумав какую-то дурацкую просьбу – кажется, помочь повесить книжные полки. Как ни странно, Богдан не только ее вспомнил, но и в помощи не отказал.

Выглядела Лена всегда моложе своих лет, ее даже за школьницу иногда принимали. Встретила гостя в легком халатике, который все время норовил распахнуться. Прижалась, как бы случайно, раз, другой... Кто же откажется, когда симпатичная девчонка сама на шею вешается?

Потом Богдан, правда, изумился: «Что ж ты не сказала, что девочка еще? Я-то думал...» Но это было уже не важно. Вскоре стало ясно, что все получилось с первого раза, повторений не потребуется.

Появление внучки практически совпало с маминым семидесятилетием. Она не отходила от кровати, плакала и говорила, что это самый лучший подарок за всю жизнь.

Правда, понянчиться с малышкой она почти не успела. Умерла, когда Рите едва исполнился годик. Лена утешала себя только тем, что ушла мама легко – просто уснула и не проснулась. Возраст, что поделать.

Сразу после смерти бабушки Рита начала болеть: то горло красное, то нос хлюпает, то чихает без перерыва. Лена уже впадала в отчаянье – ну что это такое?! Ведь она делает все то же самое, как при маме. А Рита из простуд не вылезает – хоть головой о стенку бейся! Участковый педиатр, милая Татьяна Алексеевна, только вздыхала: «Надо же! Такая хорошая девочка! Как будто сглазили!» А однажды сказала: «Знаете, Леночка, мы уже все, что можно, проверили, нет никаких причин. Я думаю, вам нужно климат сменить. Уехать куда-нибудь, где много солнца. У вас в Израиле никого нет?»

В Израиле жила Вера, мамина старшая сестра – отрезанный ломоть. Мама не любила о ней вспоминать, говорила, что та всегда эгоисткой была.

Лена отыскала в сумке со старыми бумагами Верин адрес

и написала ей, не особенно, впрочем, рассчитывая на ответ. Но Вера ответила. И вызов оформила быстро. Даже в аэропорту встретила – растолстевшая, сильно постаревшая, какая-то ободранная. Вылинявшая майка, бесформенная юбка с неровно свисающим подолом, красноватая нездоровая кожа. Скептически оглядев Лену и Риту, Вера тут же заявила: «Ну вот что, родственнички! Я свое дело сделала, нянчиться с вами больше не буду. Ясно?» Развернулась и ушла.

– Ну, мам! – приставала Рита. – Теперь ты должна сказать, что долго-долго обо мне мечтала, потом я появилась, а потом мы приехали в Израиль, и теперь у нас все отлично!

– Я долго-долго о тебе мечтала, потом ты появилась, потом мы приехали в Израиль, и теперь у нас все отлично! – послушно повторяла Лена, ероша нежные прямые волосы дочки.

И стучала по дереву – чтобы не сглазить. Ведь после переезда все и вправду сложилось как нельзя лучше. Квартира, правда, государственная (матерям-одиночкам, не имеющим своей квартиры, в Израиле выдается государственная квартира), но это временно, и вообще не страшно. Работа – Лена устроилась в библиотеку – в пяти минутах от дома, и Риту туда можно приводить. Очень живая, упрямая, иногда почти неуправляемая девочка среди набитых книгами стеллажей затихала, замороженно глядя на уходящие ввысь и в стороны ряды. Медленно ходила вдоль полок, водила пальчиком по корешкам, даже разговаривала с ними.

Но самое главное – после переезда Рита ни разу не простудилась. Вот ни разочка! В первую их израильскую осень Лена еще побаивалась – как дочка реагирует на холодные зимние дожди. Оказалось, что никак. Наверное, Татьяна Алексеевна оказалась права, и дело было в климате. А может, в витаминах. Фрукты Рита могла поглощать круглосуточно. Усаживалась на пол, ставила рядом громадное блюдо, полное «вкусняшек» – от инжира до яблок – и, не отрываясь от разложенной на коленях книжки, успевала еще подсовывать кусочки черепахе Марте. В это время загорелая до индейской смуглости Рита была похожа на ожившую бронзовую статуэтку какого-то экзотического божка.

Кроме Марты, они завели еще рыбок и вечерами подолгу наблюдали за таинственной водной жизнью.

Правда, рыбки скоро умерли. То ли их вода не устраивала, то ли солнце, то ли, наоборот, тень. Но однажды они все сразу взяли и уснули. Хорошо, что Рита в школе была, не видела. Лена тихонько вынесла аквариум на помойку – подальше, за три квартала от своего дома, еле дотащила – и сочинила какую-то историю про незнакомую девочку, которой очень-очень нужны были именно эти рыбки. Ну в самом деле! У них ведь и рыбки, и черепаха. А у девочки – никого. Вот и пришлось ей рыбок отдать. А у них Марта осталась. Неуклюжая, смешная.

Лена долго еще боялась нечаянно проговориться о судьбе рыбок. Но Рита так о них и не вспомнила – вокруг бы-

ло столько интересного! Под балконом росла олива – на нее прилетали смешные зеленые попугаи! Да-да, настоящие попугаи – Рита обожала за ними наблюдать. А еще книжки, пальмы, трудный, но такой увлекательный новый язык – девочка начала болтать на иврите раньше самой Лены. Рита вообще любила все новое, загоралась мгновенно и сильно – я это хочу! Лене нравилось исполнять дочкины желания – она чувствовала себя настоящей волшебницей. Могущественной и всесильной.

Незадолго перед тем как Рите исполнилось десять – первый юбилей! – она страстно захотела куклу Ферби. Все уши прожужжала. Лена сначала думала, что Ферби – это что-то вроде Барби. Платица, домики, мебель и прочие игрушечные радости. Оказалось – ничего подобного.

Ферби была не совсем кукла. Точнее, совсем не кукла. Удивительно притягательная и немножко страшная.

Нет, тоже не так. Ферби была очень страшная. Какой-то Чебурашка-мутант. И при этом мистически притягательная. Очень живая. Как щенок или котенок. Или даже больше, потому что вдобавок к пушистости и подвижности умела еще и разговаривать. Рита увидела ее в какой-то рекламе – и как будто прикипела: мама, хочу такую! Лене кукла показалась жутковатой, но ведь дети смотрят по-другому.

Торопливо распаковав подарок, Рита замерла:

– Мам! Я ее боюсь!

– Но ты же так хотела именно Ферби, – растерялась Лена.

– Я не знала... она такая... такая...

– Ну хорошо, давай ее кому-нибудь подарим.

– Нет! Это моя! – Рита топнула ножкой.

Лена меж тем с ужасом думала о том, что завтра будут готовы результаты обследования. Врач, который выписывал ей направление, смотрел так красноречиво, что женщина почувствовала, какие это будут результаты.

Завтра она все узнает. В Израиле диагноз говорят сразу. Не то, что в России, где прячут глаза, бормочут что-то утешительное, обнадеживающее. Берегут! Как будто человека с «диагнозом» еще можно от чего-то уберечь.

Наутро после Ритиногo дня рождения Лена почувствовала себя совсем плохо: низ живота крутило, нога подламывалась, в голове звенело, в глазах мелькали темные точки.

Дочка, как назло, капризничала, требовала заплести косичку то повыше, то сбоку, торопила:

– Мам, ну чего ты? Тамар сейчас уйдет!

Тамар и ее мама, Полина, жили на том же этаже. Долгое время соседи едва здоровались при встречах, но, отдыхая в Эйлате, случайно столкнулись и с тех пор подружились. Подружились и девочки – бегали вместе в школу, в магазин, вместе выгуливали смешного соседского японского хина Чампи. Тамар была на год старше, и Рита старалась ей подражать.

Когда дочь, подхватив ранец, торопливо выскочила за дверь – а вдруг Тамар уйдет без нее! – Лена впервые задума-

лась о том, что же будет дальше.

«Надейся на лучшее и готовься к худшему», – говорила мама. А самое худшее – то, что Рита скоро останется одна. Что же делать? Разыскивать Веру? Страшно даже подумать о том, чтобы оставить с ней девочку. Нет, это не годится. Единственный близкий человек – Полина. Тем более она сама врач...

Надейся на лучшее

В больнице, когда худой суровый онколог, сокрушенно качая головой, что-то рассказывал о порядке предполагаемого лечения, Лена потеряла сознание. Очнулась она в сумерках.

– Куда вы? – остановила ее молоденькая медсестра с ярко накрашенными губами. – Доктор велел до утра вас оставить. А утром оформлять начнем на лечение.

– Я не могу – до утра. У меня ребенок дома один. Я завтра, честное слово... а сейчас мне нужно идти. Пожалуйста! – Лена говорила очень быстро, не давая вставить и слова возражения. – Где моя одежда? Я в халате уйду!

Девушка неохотно принесла ее одежду.

– А если на улице упадешь?

– Не упаду, – твердо сказала Лена. – Я сильная. Мне нельзя.

– Ладно, сильная, иди, – медсестра смотрела на нее скептически. – Что, ребенок совсем маленький?

– Десять лет... – женщина загнала внутрь подступающие слезы, – вчера исполнилось.

– Ладно, – повторила медсестра, с жалостью глядя на бледную до синевы Лену. – Иди. Но смотри – завтра же сюда, каждый день на счету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.